

Владимир Иванов, Алексей Кортунов

Рец. на: Ю.В. Селезнёв. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV веках. Воронеж, 2013. 472 с.

Vladimir Ivanov, Alexey Kortunov

(both – Aknulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia)

Rec. ad op.: Iu.V. Seleznev. Russkie kniaz'ia v sostave praviashchei elity Djuchieva Ulusa v XIII–XV vekah. Voronezh, 2013

Несмотря на обширнейшую историографию Золотой Орды (Улуса Джучи), освещающую практически все доступные современному анализу аспекты истории этого государства в самом широком оценочном диапазоне – от полного негатива в досоветский и советский периоды до воссоздания особой Золотоордынской цивилизации в современной литературе – вопрос о характере взаимоотношений Руси и Орды и степени воздействия последней на социально-политическое развитие Русского государства остаётся одним из наименее изученных и понятых. Авторы имели возможность убедиться в этом, приступив к разработке научно-исследовательского проекта «Кочевники Золотой Орды XIII–XV вв. и казачество Урала XVI–XIX вв.: проблемы этно- и социально-культурной преемственности», предусматривающего выявление реминисценций в военно-социальной организации кочевых сообществ и казачества – двух сообществ, на определённых этапах своей истории развивающихся в рамках схожих по своей семантике государственных структур. Методическим и отчасти методологическим посылом для этой работы является монография Ю.В. Селезнёва, посвящённая взаимодействию двух правящих элит – золотоордынской и русских княжеств периода феодальной раздробленности – и их иерархии в системе политического господства одного государства над другим. Книга снабжена обширными приложениями, представляющими собой полный перечень имён кня-

зей, посещавших ставку ордынского хана с 1242 до 1445 гг., составленный в виде аннотированных таблиц и аналогичных таблиц приёмов и отправки ордынских послов русскими князьями в XIII–XV вв.

Во «Введении» автор пытается доказать, что русские князья в XIII–XV вв. были составной частью элиты Золотой Орды. Следует отметить, что сама подобная постановка вопроса является новацией, поскольку идёт вразрез с традиционной историографической парадигмой, указывающей на некую автономию русских князей перед лицом ордынских ханов на всем протяжении истории русско-ордынских отношений. Из этого вытекает и цель исследования: «Выявить особенности политической и социальной системы ордынского государства, закономерности функционирования элит, которые формируют правила взаимодействия в рамках политической системы Джучиева Улуса» (с. 5).

Для достижения поставленной цели автор использует обширный корпус источников, главным образом русские летописи. Анализ содержания летописных текстов позволил автору сделать ряд весьма интересных и полезных, с точки зрения методики исторического исследования, наблюдений и выводов (в первую очередь это относится к таблицам и цифровым показателям частоты и времени пребывания русских князей в Орде).

Монография Ю.В. Селезнёва насыщена фактами. С одной стороны, это усиливает доказательность его выводов. С дру-

гой – обилие информации, почерпнутой из источников без глубокой источниковедческой критики (источниковедческий раздел рассматриваемой монографии по содержанию является лишь аннотированным списком источников), несёт в себе риск альтернативного их толкования. Это может привести и к альтернативной оценке сделанных автором выводов. Вообще Ю.В. Селезнёву, очевидно, нужно быть готовым к тому, что некоторые его умозаключения исследователи золотоордынской эпохи могут встретить критически. Причём как «традиционалисты», скептически оценивающие масштабы и глубину русско-ордынской интеграции, так и «евразийцы», сторонники толерантного подхода к оценке роли и места Золотой Орды в истории России.

Во второй главе монографии Ю.В. Селезнёв исследует проблему русско-ордынских отношений в XIII–XIV вв. через призму её восприятия русскими летописцами-книжниками. В центре главы стоит терминологический контекст этого процесса. Автор акцентирует внимание на понятиях «честь» и «жалование», при этом выделяя, хотя, по нашему мнению, не достаточно обосновав их, два периода – XIII и XIV вв. Смена восприятия ханской власти в сознании русских правящих элит происходила, очевидно, вследствие начала «Ордынской замятни» 1360-х гг., свидетельствующей об ослаблении централизованной власти ханов. Последние в меняющейся политической обстановке внутри Золотой Орды, по-видимому, меняли и своё отношение к русским князьям-улусникам. Поэтому на смену понятия «честь» («чествование») приходит понятие «пожалование». Оно подразумевает отношение между двумя субъектами: пожалователем и пожалованным, из которых первый даёт, а второй принимает не только само пожалование, но и условия, на которых он обязан «отработать» пожалование. В конечном итоге всё это означает не что иное, как усиление эксплуатации пожалованного, пусть даже и потенциальное. Из-за отсутствия соответствующих данных мы (как, очевидно, и автор монографии) не знаем, насколько в материальном выражении «пожалование» отличалось от «честь». Но результаты себя не застави-

ли ждать: усиление Москвы, хитроумная данническая политика Ивана Калиты, Куликовская битва, ослабившая власть Орды над Русью.

Здесь невольно напрашивается аналогия с более поздней ситуацией, связанной с вхождением башкир в состав Русского государства. Раздираемая внутренними усобицами Большая Ногайская Орда усилила эксплуатацию приуральских башкир, что в итоге привело к их обнищанию и, как следствие, к стремлению освободиться от ногайской власти, что и произошло во второй половине XVI столетия.

«Красной нитью» через монографию Ю.В. Селезнёва проходит мысль о превращении русских княжеств в XIII в. в часть административно-политической системы Золотой Орды. Мысль эта проводится автором последовательно, с опорой на обширный материал, пусть даже имеющий опосредованное отношение к его генеральной идее. Так, в третьей главе монографии Селезнёв даёт подробную характеристику правящего слоя Улуса Джучи, структурируя его в соответствии с социальной иерархией. Безусловно, нельзя не согласиться с выводом автора о том, что «элита Золотой Орды несла в той или иной степени все основные общественные функции (политические – военная, административная, дипломатическая и др.; экономическую; социальную; культурную; религиозную)», являясь, таким образом, господствующим классом золотоордынского общества (с. 127). Следовательно, вхождение в её круг являлось престижным. С другой стороны, вхождение в высшую страту золотоордынского общества для русской княжеской элиты, по определению, было ограничено уровнем эмиров и нойонов (с. 121). Если учесть, что их социальное положение зависело от воли хана, то желание ордынских ханов видеть русских князей в составе элиты своего государства (с. 175) вполне понятно. Тем более что права голоса при решении важнейших политических вопросов в Орде они всё равно не имели бы (с. 171).

Но подобное желание ордынских ханов могло быть реализовано только при условии включения русских княжеств в административную структуру Золотой Орды. Как это происходило, например,

в более поздние времена, когда территории Казанского ханства и Башкирии включались в состав Русского государства: московская власть давала тарханные грамоты местной мусульманской элите, приравнивая её к русскому служилому сословию. Надо полагать, что и в эпоху Золотой Орды ханы преследовали те же цели, обеспечивая этим лояльность и верность со стороны своих русских князей-вассалов. Но соответствовало ли это желание представлениям русских князей об их вассалитете относительно ордынских ханов? С одной стороны, Ю.В. Селезнёв полагает, что представители высшей русской аристократии оказались включёнными в элиту Джучиева Улуса уже в XIII в. Следовательно, по логике вещей, уже с этого времени русские княжества должны были восприниматься ордынскими ханами как часть административно-политической системы их государства. Вместе с тем не существует ни одной карты, на которой русские княжества были бы показаны как часть территории Золотой Орды. Не является исключением и новейшая по времени составления карта, приложенная к рассматриваемой монографии.

В то же время автор монографии отмечает, что полного слияния русской знати с аристократией Орды не происходило. В подтверждение своего мнения Ю.В. Селезнёв приводит данные о числе династических браков между русскими князьями и ордынскими ханами – пять браков русских князей со знатными ордынками (следует отметить, что доподлинно невестами из правящего ханского дома были две: жена князя Юрия Даниловича Московского Кончака, сестра хана Узбека, а также жена князя Фёдора Ростиславовича Черного, дочь хана Тула-Буки (?)). Женитьба на родственницах ордынских ханов давала ханским зятям право совещательного голоса в курултаях, но не более того (с. 169). Вместе с тем русские князья, как отмечает Селезнёв, предпочитали своих дочерей замуж за ордынских аристократов не отдавать (с. 311). Во всяком случае, в проработанных автором монографии многочисленных русских летописях данных об этом нет, что, в общем-то, плохо согласуется со статусом русских князей как верноподанных «улусников-служебников» (если

они таковыми являлись), поскольку стать ханским тестем тоже было престижно. Но не в случае шаманистско-тенгрианской, а затем мусульманской Золотой Орды с её многожёнством, идущим вразрез с матримонийными законами русского православия.

В предлагаемой автором монографии трактовке русских князей как «улусников-служебников» ордынских ханов есть ещё один не до конца ясный аспект – внешнеполитический. Здесь выделяются, как минимум, два момента. Во-первых, Ю.В. Селезнёв отдельный параграф своей монографии посвятил церемониалу приёма и отправки русскими князьями ордынских послов (с. 240–249). В условиях улусной системы (и русских княжеств как её структурной части) посылка посольств к «улуснику-служебнику», посаженному на улус самим ханом, выглядит неким нонсенсом. Тем более что подобные миссии осуществляли нойоны (эмиры), стоящие на одной с русскими князьями ступени социальной иерархии Золотой Орды (с. 117–118). Мы, к сожалению, не имеем данных об отправке ханских послов-киличеев (ильчи) к другим ордынским держателям улусов (улусбегам). К русским же князьям за 1242–1445 гг. было отправлено 82 посольства (с. 249).

Во-вторых, русские княжества кроме Золотой Орды на северо-западе и западе граничили со Шведским, Польским и Венгерским королевствами. И если относительно улусбегов Золотой Орды известно, что они самостоятельных внешних контактов с соседями не имели, то относительно русских княжеств есть сведения об их прямых контактах в XIII–XIV вв. с Византией (по церковным делам), с Польским и Венгерским королевствами; Новгород от имени великого князя заключал торговые договоры с городами немецкой и шведской Прибалтики. Или эти контакты также осуществлялись под контролем ханов Золотой Орды?

Ю.В. Селезнёвым, безусловно, проделана большая работа: поставлена проблема; собран и в значительной степени обобщён материал, необходимый для её решения. Определённые аспекты русско-ордынских отношений на уровне правящих элит изложены автором вполне

отчётливо: социальная стратификация и функции ордынской элиты; формальные признаки, определявшие место русских князей – вассалов в этой стратификации; рассчитана периодичность и продолжительность пребывания русских князей при дворе ордынских ханов, детально реконструирован ритуал общения князя и хана. Вызывает интерес вывод автора о том, что соблюдение соответствующего ритуала «обусловило появление особого поведенческого стереотипа, связанного с системой регулярных посещений верховного правителя» (с. 308). Вывод интересен прежде всего тем, что он вносит дополнительный нюанс в понимание генезиса образа и статуса будущих государей московских. Вместе с тем генеральный вывод автора о том, что русские княжества являлись улусом Золотой Орды, а князья – улусниками-служебниками ордынского хана, на наш взгляд, требует более глубокого обобщения. С одной стороны, Ю.В. Селезнёв

приводит убедительные свидетельства формальной принадлежности русской княжеской элиты к указанной категории ордынской знати. С другой – из приведённых им же данных можно сделать вывод и о том, что за формальной стороной процесса скрывались некие не очевидные, но существенные нюансы русско-ордынских отношений, выводящие русские княжества и, соответственно, князей за рамки общепринятого и традиционного понимания социальной и административно-политической иерархии Джучиева Улуса.

Несмотря на то что в монографии Ю.В. Селезнёва проблемность явно преобладает над эвристикой, её выход вполне своевременен, поскольку она выводит исследователей истории Золотой Орды, а шире – истории феодальной Руси – на новый ракурс, хотя и известный, но до сих пор не привлекавший должного внимания отечественных и зарубежных историков.

Вероника Беляева, Алексей Морохин

Рец. на: Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVII века / Сост. А.В. Антонов (отв.), А.А. Булычев, В.А. Кадик, С.В. Сироткин. Ч. 1. 1040 с.; Ч. 2. 960 с. М.: Древлехранилище, 2015

Veronicka Belyaeva

(Nizhny Novgorod Institute of Management and Business, Russia),

Alexey Morochin

(Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Russia)

Rec. ad op.: Materialy po istorii Nizhegorodskogo kraia kontsa XVI – pervoi chetverti XVII veka. Vol. 1–2. Moscow, 2015

За последние годы издание актов, связанных с историей Нижегородского края XVI–XVII вв., стало заметным явлением среди публикаций источников этого периода¹. Данная тенденция не может не радовать, так как до начала XXI в. ощущалась явная нехватка опубликованных источников, характеризующих процесс развития одного из центральных регионов Российского государства XVII столетия. В ряду этих изданий особое место занимает подготовленный сотрудниками

Российского государственного архива древних актов двухтомник. Составители сборника документов справедливо отмечают, что публикуемые документы «имеют исключительно важное значение для истории Нижегородского края, а также конкретных лиц и семей, принимавших активное участие в трагических событиях Смутного времени» (ч. 1, с. 3). В состав издания вошли документы, хранящиеся в фондах РГАДА: комплекс нижегородских поместных актов 1591–1610 гг., дозорная